

ПСИХИАТР

АНДРЕЙ ШЛЯХОВ

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ ЦИКЛА

 приемный
покой

Приемный покой

Андрей Шляхов

Психиатр

«Автор»

2013

Шляхов А. Л.

Психиатр / А. Л. Шляхов — «Автор», 2013 — (Приемный покой)

ISBN 978-5-17-081446-6

Психиатра из диспансера Савелия Лихачева просят расшифровать загадочные убийства, на первый взгляд не связанные между собой. В районе Останкино орудует маньяк. Оперативники не могут найти никаких зацепок. Возможно, медицинские познания в области человеческой психики помогут найти оборотня. Новое развитие бестселлеров цикла «Приемный покой» от Андрея Шляхова.

ISBN 978-5-17-081446-6

© Шляхов А. Л., 2013

© Автор, 2013

Содержание

1	6
2	8
3	15
4	24
5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Шляхов

Психиатр

© Шляхов А. Л., 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

В своем стремлении никого не задеть и не разгласить ничьих тайн автор зашел так далеко, что у него получилась совершенно другая история, можно сказать, не имеющая ничего общего с действительностью. Разумеется, все имена выдуманы, а учреждения и реальные места на карте Москвы взяты наугад.

«Я не только злым, но далее и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым. Теперь же доживаю в своем углу, дразня себя злобным и ни к чему не служащим утешением, что умный человек и не может серьезно чем-нибудь сделаться, а делается чем-нибудь только дурак».

Ф. М. Достоевский, «Записки из подполья»

1

Охотиться можно по-разному.

Можно вообще не охотиться, а ездить с водкой и закуской, иногда и без ружья.

Можно развлекаться стрельбой по тарелочкам.

Можно положить приманку и затаиться неподалеку. Рано или поздно добыча (слово «жертва» здесь совершенно неуместно) объявится. Но когда это случится, предсказать невозможно. Может, сегодня, может, завтра, может, послезавтра или через неделю... Никакого терпения не хватит, да и радость будет не та, перегорит. Способ муторный, но зато безопасный. Если что не так, то можно себя не обнаруживать, из тени не выходить. Пока ты, образно говоря, не поднял ружье, ты не охотник, а гражданин.

Преследование дает результат быстрее. Преследовать интереснее, чем сидеть в засаде. Некогда скучать, время бежит незаметно, сердце бьется в упоенье, заветный миг приближается, вот-вот еще немного, еще чуть-чуть, и добыча окажется в руках... Все здорово и замечательно, но во время преследования можно легко обнаружить себя, привлечь чье-то внимание, спугнуть добычу и остаться ни с чем. Это в лучшем случае. В худшем можно навсегда потерять возможность охотиться. Но такой вариант – это не для меня. Я достаточно умен и осторожен, поэтому не собираюсь становиться чьей-то добычей. Я – Охотник, а не добыча! Именно так – с большой буквы. Охотник-одиночка.

Одиночкам недоступен самый результативный способ охоты – облавный, но им не приходится делиться радостью победы с другими загонщиками. Добыча целиком моя, и успех тоже. Делиться я не люблю. Каждый сам за себя, каждый сам для себя, каждому – свое, разве не так? Чужого мне не надо, но и своим я делиться не собираюсь. Да и как можно это сделать?

Самый правильный способ охоты – прийти в нужное время и место, взяв добычу. Теплую, трепыхающуюся, волнительно податливую... Разумеется, для того чтобы вычислить место и время, надо пораскинуть мозгами, с кондачка такие дела не делаются. Но чем-чем, а умом меня мать-природа не обделила, что не додала в плане внешности – компенсировала мозгами.

Недаром же профессор Утягин на одной из своих лекций сказал, по-простецки указав на меня пальцем: «Вы тут все фармацевты, один он – аптекарь!» В устах заведующего кафедрой фармакологии «аптекарь» было наивысшей похвалой. На нашем курсе он больше никого «аптекарем» не называл. Так-то вот, пустячок, а приятно. Запомнилось. Приятное всегда запоминается, впрочем, как и неприятное. Я вообще на память не жалуюсь, она у меня цепкая.

Аптекарь...

Самому мне старинное мелодичное слово «аптекарь» нравится куда больше, чем царапающее слух современное «фармацевт». Английское «фармацист» еще хуже, а китайское «яоцзиши» звучит ничего. Йо – Цзи – Ши... Так и тянет тянуть его нараспев, хлопая в ладоши. А по-японски «аптекарь» – «якудзаиси», от слова «якудзай» – «лекарство», а не от названия якудзы – их национальной мафии. Но сходство мне нравится. Я ведь и сам такой же: суровый, храбрый и решительный, как парни из якудзы. И так же, как они, люблю утверждать свою власть над миром, только способ у меня свой, особый. У каждого свой путь к истине и способ самоутверждения.

Я – Аптекарь. Только я не простой, а особенный.

Но об этом никто не догадывается.

И правильно. Известность мне ни к чему. Я не артист и не политик, хотя в своем роде я и политик, и артист, и охотник... Я очень многогранная личность. В первую очередь – личность.

Я очень люблю наблюдать за тем, как у моей добычи тускнеют глаза. Жаль, что они при этом некрасиво пучатся. Издержки процесса, ничего не поделаешь. Я мог бы использовать какой-нибудь быстросействующий яд, от которого глаза тускнеют, не выпучиваясь, но это лишило бы

меня прямого контакта с добычей в момент ее агонии. Можно, конечно, держать их при этом за руки или за шею, но это совсем не те ощущения. Яд расправляется с добычей вместо меня, лишая меня какой-то существенной части моего упоительного всемогущества. Радость уже не та. К тому же яд – это дополнительные сложности, которые могут выйти мне боком.

В моем деле чем проще, тем лучше.

Сначала я сильно рисковал, но лишь до тех пор, пока не придумал свой Способ. С одной стороны, он проще пареной репы, с другой – вряд ли кто сможет его разгадать. Простые загадки ведь самые сложные. Теорему Ферма не так давно доказали, а на вопрос: «Куда девается дырка от бублика, когда он съедается?» – так и нет ответа.

Я – дырка от бублика.

Меня невозможно поймать, потому что меня нет...

2

Если рано утром Восьмого марта кто-то ломится в дверь к одинокому холостяку, так это явно не для того, чтобы поздравить с праздником и подарить подарок.

Вчера вечером Савелий предусмотрительно выключил оба телефона, домашний и мобильный, домофон и дверной звонок, чтобы наконец-то выспаться как следует, за себя и за того парня, чтобы спать до тех пор, пока, как говорят некоторые, «морда от подушки не заболит».

Пусть мир празднует женский день, а кое у кого есть совсем другие планы. Долгий сон, неспешный завтрак, просмотр какой-нибудь новинки кинопроката, прогулка от дома до Китай-города, пара кружек темного пива в кабачке. И все это в полном одиночестве. Так уж захотелось Савелию – провести выходной наедине с собой, подустал он от общения с людьми в последнее время.

«Надо было обить дверь снаружи чем-то мягким», – подумал Савелий, накрывая голову подушкой. Окончательно просыпаться и тем более вставать не хотелось. Была надежда, что незванный гость скоро устанет стучать или же, убедившись в бесперспективности своих действий, уйдет восвояси.

Увы, тот оказался настойчивым. Стук не прекращался, наоборот, становился все громче. Кто-то за дверью был уверен в том, что Савелий дома и во что бы то ни стало желал пообщаться. В лучшем случае это могли быть заливаемые соседи снизу, о худшем случае не хотелось и думать. Савелий откинул в сторону одеяло, сел, потряс головой, отгоняя остатки сна, и босиком пошлепал к двери. Звук льющейся воды он не услышал, потому и в глазок заглядывать не стал – и так ясно, что по ту сторону двери стоит двоюродный брат и любимый родственник Виталик. Больше никому.

Планы на хороший день рухнули. Савелий почтил их память вздохом сожаления и открыл дверь.

– Ну, наконец-то! – вместо приветствия сказал любимый родственник. – Здоров ты спать, брат!

– Чем еще заниматься в выходной? – не слишком любезно и немного сварливо поинтересовался Савелий, давая понять гостю, что тот приперся не очень-то кстати.

Виталика не слишком любезная встреча не смутила. Он всегда был выше таких мелочей, как чужое настроение. Прошел мимо посторонившегося Савелия в прихожую, разулся, облагородив атмосферу запахом давно не сменяемых носков, снял куртку, повесил на соседний крючок наплечную кобуру с пистолетом и обернулся к Савелию с улыбкой на небритом осунувшемся лице:

– Ну, здравствуй, брат!

– Здравствуй, – ответил Савелий и, следуя традициям гостеприимства (эх, послать бы их вместе с любимым родственничком куда подальше!), спросил: – Кофе или чай?

– Чай! – не раздумывая, выбрал гость. – От кофе меня уже блевать тянет. Три ложки с верхом на кружку. И не забудь кружку блюдцем накрыть, чтобы заварилось получше.

Гость ломанулся напрямиком на кухню, но был предусмотрительно перехвачен хозяином и отправлен в ванную мыть руки. Савелий с детства считался чистюлей (по версии Виталика – чистоплюем), а Виталик – неряхой. Странно, но такие радости, как гепатит А, сальмонеллез и глисты, почему-то доставались Савелию, Виталику все было как с гуся вода.

– Как мама? – спросил гость, плюхаясь на диванчик.

– Нормально, – ответил Савелий. – Привет вам передавала. А как Лариса с Юлей?

– Нормально, – хохотнул гость. – Юлька растет, Лариса стареет. Все как обычно.

Неизвестно кем установленные приличия первым делом требовали справиться о родственниках. Судя по тому, что Виталик не стал давать развернутую характеристику своей жене, на семейном фронте у него сегодня было затишье. Уже хорошо. Савелий порадовался за брата и за себя тоже. Если бы Виталик до утра выяснял отношения с женой, а потом, как обычно, хлопнул бы дверью и ушел к Савелию, то следом за ним примчалась бы Лариса и на глазах у Савелия разыгрался очередной акт житейской драмы с взаимными обвинениями, угрозами, оскорблениями...

Пришлось бы не только наблюдать, но и принимать кое-какое родственное участие – успокаивать, увещевать, призывать к миру. В конце концов, супруги помиряются столь же бурно, как и ссорились, и захотят отметить примирение чем-нибудь из хозяйских запасов. Некоторые почему-то уверены, что докторам благодарные пациенты таскают спиртное ящиками. Как бы не так! Короче говоря, закончится вся эта трагикомедия не раньше десяти-одиннадцати часов вечера, когда, наконец, гости соизволят убраться, оставив Савелия с гудящей головой и кучей немытой посуды в раковине.

Себе Савелий сварил кофе по праздничному рецепту – с имбирем и мускатным орехом. Виталик презрительно поморщился, глядя на то, как брат поддевает кончиком ножа пряности из баночек и высыпает их в джезvu. Сам Виталик уважал только одну пряность – черный перец, причем в огромных количествах. Слова «остро» и «вкусно» были для него синонимами.

– А к чаю есть что-нибудь? – как бы невзначай спросил гость, когда Савелий поставил перед ним накрытую блюдцем кружку.

– Могу сделать бутерброды, – предложил Савелий. – Есть ветчина, голландский сыр, брынза...

– Я не об этом, – махнул рукой гость. – Коньячку бы!

Коньячок – это серьезно. Рюмкой или двумя Виталик не удовлетворится, не такой он человек. Непременно выдует всю бутылку, а потом завалится спать. У него же на лице написано, что ночью ему было не до сна.

А ведь сегодня Восьмое марта, стало быть, невестка вправе рассчитывать на какую-то праздничную программу – букет, подарок, порцию комплиментов. Не получив желаемого до полудня, она накрутит себя и начнет разыскивать блудного мужа. Позвонит ему на работу, а затем примчится сюда. Наугад. Если муж здесь, то ему можно все высказать, если нет, то можно высказать Савелию в расчете на понимание и утешение.

Виталик, мирно дрыхнувший на диване вдали от семьи в разгар праздничного дня, – как минимум час сольного выступления Ларисы и еще не меньше часа их дуэта. Б-р-р! Ну ее на фиг, такую праздничную программу. Врачи-психиатры, знаете ли, тяготеют к спокойному, даже унылому отдыху, им буйства страстей и всплесков эмоций на работе хватает выше крыши.

– Коньячку? – Савелий иронично приподнял левую бровь. – Я тебе скажу не как брат брату, а как доктор пациенту – ты бы не начинал день со спиртного. Такие привычки, знаешь ли, до добра не доводят, особенно в молодом возрасте.

– Это у тебя день только начинается! – возразил Виталик. – А у меня он двое суток все никак закончиться не может! Так что засунь свои врачебные рекомендации знаешь куда? Если жмешься брату сто грамм налить – так и скажи, я пойму и прощу! Но от докторских советов воздержись! У меня эта ваша медицина знаешь где сидит?!

Казалось бы, давно пора привыкнуть к этим вечным укорам: пожалел для брата, зажал брату и т. п., выработать иммунитет, но он все никак не вырабатывался. Вот и сейчас пришлось доставать из бара бутылку вместо того, чтобы... Ну, ладно.

– Армянский? – скривился Виталик, посмотрев на этикетку. – Он же весь паленый!

Савелий молча взял бутылку и понес ее обратно.

– Ладно, разливай! – поспешно сказал брат и, словно оправдываясь перед кем-то третьим, добавил: – Свяжешься с тобой – научишься пить что попало...

Что попало, судя по запаху, было далеко не паленым. Да и вообще трудно было предположить такое с учетом личности дарителя. Солидные люди бурду дарить не станут, к тому же если отношения с врачом еще не завершились.

– А себе? – нахмурился Виталик, поднимая рюмку.

Савелий капнул из бутылки в чашку с кофе.

– Как хочешь, мне же больше останется! – прокомментировал брат и, не дожидаясь, пока Савелий приготовит бутерброды, опрокинул рюмку в рот.

Согласно канону, закусывал Виталик после третьей. Откусил от бутерброда с ветчиной, прожевал, проглотил, запил чаем, блаженно прикрыл глаза и констатировал:

– Можно жить!

Усевшись в угол кухонного диванчика, немаленький и нехудой Виталик занял его целиком, поэтому Савелию пришлось сесть на табурет. Оно и лучше – так ближе к плите и к холодильнику. Ясно же, что придется повторять чай, бутерброды и, возможно, идти за новой бутылкой. В плане выпить-поесть мало кто мог сравниться с двоюродным братом.

– А до этого было нельзя? – поддел Савелий.

– Кому-то, может, и можно, тебе, например, а вот мне не очень... – Виталик вздохнул и повторил коньяк.

– Хорош гнать! – предостерег Савелий. – Сейчас под стол свалишься.

– Не волнуйся! – Лицо Виталика расплылось в улыбке, больше напоминавшей хищнический оскал. – Ты же знаешь, что меня с устатку не берет, а только напряжение снимает... Двое суток на работе с перерывами на покурить и оправиться – это тебе не хрен собачий! Да разве ж ты поймешь?! Мою работу не сравнить с твоей...

– Нет, – согласился Савелий. – Ты – опер, а я – врач, какие тут могут быть сравнения?

– Я не в смысле профессии, а в смысле тяжести! – Виталик махнул в воздухе надкусанным бутербродом. – Врачи тоже разные бывают. Одни сутками у операционного стола стоят, другие с разными придурками ляссы точат, ля-ля-тополя...

Насчет «лясы с придурками» был не намек, а выпад. Такой уж он, Виталик, не может без гадостей. Да, конечно, у оперуполномоченного уголовного розыска работа не сахар, но это еще не дает ему права на подобные высказывания.

– Я, к твоему сведению, не ляссы с придурками точу, – строго сказал Савелий, – а помогаю людям, находящимся в кризисных состояниях. Каждого надо выслушать, понять, пропустить все, что тебе выложат, через себя, чтобы найти подход к человеку и нужные слова. Если ты думаешь, что все так просто, то очень ошибаешься. Впрочем, тем, кто не в теме, это всегда кажется просто.

– Не кипятись, брат! – попросил Виталик, которого коньяк сделал сговорчивым и покладистым. – По мне, тоже лучше троих задержать, чем одного допросить. Нудное дело – задавать вопросы и слушать ответы, выматывает капитально. И про твою работу я ничего плохого сказать не хотел...

– Да ну? – удивился Савелий.

– Просто хотел подчеркнуть, что ты молодец – хорошо в жизни устроился. Не то что я... И так ведь работы выше крыши, а как что случится, так вообще...

Опрокинув очередную порцию коньяку, Виталик налег на бутерброды, с которыми расправлялся молниеносно – куснул, шевельнул челюстями, проглотил, снова куснул. Минутой позже тарелка опустела. Савелий полез в холодильник за ветчиной и сыром, а Виталик, осоловевший от еды и коньяка, откинулся на спинку дивана и продолжил разговор:

– Я к тебе за советом пришел. Тут такое дело...

«Все-таки очередной семейный конфликт», – с тоской подумал Савелий.

– Виталь, ты же знаешь все, что я скажу. Начиная с того, что любовь на самом деле требует определенных жертв...

– Да я не об этом! – перебил брат. – У меня по работе вопрос.

– По работе?! – не веря своим ушам, переспросил Савелий. – Чем я могу...

– У нас медицинская проблема. – Перебивать собеседника для Виталика было в порядке вещей, так же как тыкать незнакомым людям и вместо имени и отчества фамильярно называть собеседника по одному только отчеству. – Ну, не совсем медицинская, но около того... Короче, по нашему району орудует серийный убийца...

– Да ну! – ахнул Савелий, знакомый с ними только по книгам и фильмам. – Настоящий?

Из дальнейшего рассказа Виталика выяснилось, что настоящее и не бывает. Пять трупов. Все убитые – женщины, от двадцати семи до сорока трех лет. Изнасилованы у себя дома, а после задушены.

– Первые два убийства на Первой Останкинской и на Кондратюка, друг с другом никто не связал. – Виталик покачал головой, словно досадуя на чью-то не дальновидность. – Они и по почерку были разными – в первом случае женщину задушили руками, во втором – поясом от ее же халата.

– Какого? – машинально спросил Савелий.

– Махрового. Да какая разница? Был бы шелковый – этот гад задушил бы шелковым. Что под руку попало, тем и орудовал. На Останкинской поначалу взяли в разработку мужа убитой, который уже больше года не жил вместе с ней, но квартиру они еще разменять не успели. Мотив?

– Да, – согласился Савелий. – Только зачем мужу надо насиловать свою, можно сказать, уже бывшую жену? Неужели за время супружества не натешился?

– Мало ли какие заморочки у людей, – усмехнулся Виталик и подколот: – Странно, что психиатр такого не понимает. Это мог быть не просто сексуальный акт, а наказание или даже возмездие. Вот ты, сука, всю мою жизнь сломала, а я тебя сейчас трахну во все отверстия и придушу!

– Ну да, – согласился Савелий. – Это уже клиника.

– Вот и я о том же.

– А по сперме ведь легко установить...

– Ее нет ни в одном трупе. И снаружи нигде нет. Наш убийца не доводит дело до конца...

– Или пользуется презервативами.

– Насчет них эксперты ничего не говорили. Возможно. Он вообще осторожный, работает в перчатках или аккуратно затирает за собой. Каких-либо идентичных отпечатков пальцев в пяти квартирах не нашли...

Богатое воображение Савелия нарисовало портрет серийного убийцы. Высокий плечистый блондин в венецианской почему-то маске, резиновых медицинских перчатках, презервативе на вздыбленном пенисе и носках в полосочку. Почему воображение сработало именно таким образом и какие тут имели место ассоциации, разбираться было некогда. Надо было слушать дальше.

– На Кондратюка подозреваемыми номер раз стали два молдаванина, которые недавно делали ремонт в квартире убитой. Логично так получается – отремонтировали квартиру, получили расчет, на прощанье изнасиловали хозяйку и придушили...

– Не вижу логики.

– Ну, я хотел сказать, что так довольно часто бывает. Короче, молдаван начали искать, но до сих пор так и не нашли... Там и приметы, со слов соседей, те еще – два брюнета среднего роста, один носатый, другой усатый, одного Ваней зовут, другого – Данилой. Так можно сорок лет искать. Вот, скажи мне, брат, почему мою ксиву народ полчаса разглядывает, прежде чем в дом меня пустить, а каких-нибудь гастарбайтеров, никому не известных, нанимают, даже не отксерив их паспортов, дают им ключи, поселяют в своих квартирах? Парадокс?

– Никакого, – пожал плечами Савелий. – Рабочие людям нужны, поэтому их пускают, а ты – нет, от тебя только проблемы, вот и изучают твои документы подолгу. Так тебе надо помочь найти двух молдаван? Извини, у меня нет выхода ни на молдавское посольство, ни на их мафию. Виталь, ты не знаешь, есть вообще молдавская мафия? Что-то я про нее никогда не слышал...

– Есть, – кивнул Виталик, – у каждого народа есть своя мафия, как же без нее? Молдаване контролируют своих земляков, снабжают их липовыми документами, и так далее. Только я к тебе пришел не для того, чтобы ты помог нам найти молдаван, тем более что эти молдаване здесь, скорее всего, ни при чем.

Через неделю после убийства на Кондратюка убили женщину на Большой Марьинской. Одна дома, изнасиловали, задушили руками, ничего не взяли. Еще через неделю случилось похожее убийство на Калибровской улице.

Тут уж до всех дошло, что в районе орудует серийный убийца, насильник и душитель. Но не вор – нигде ни в одной квартире ничего не пропало. Даже на деньги из сумочек, которые у всех убитых традиционно стояли в прихожих, на виду, убийца не позарился. У него свой бескорыстный интерес.

– Ну, если говорить о нравственных нормах... – начал было Савелий, но тут же оборвал себя: – А пятое убийство?

– Оно случилось в понедельник, пятого марта, на Аргуновской улице в телевизионном доме.

– В каком-каком? – переспросил Савелий. – В Телецентре? Так он ведь на Королева...

– В «телевизионном» доме, а не в Телецентре. Этот дом был построен лет сорок назад для работников телевидения, – пояснил Виталик, – оттуда и название такое прилепилось, хотя большинство нынешних жильцов не имеет к телевидению никакого отношения.

Убили тридцатичетырехлетнюю начальницу отдела персонала из гипермаркета «О-Шоп». Кровоподтеки на лице, разрывы заднего прохода и влагалища, задушена руками, из квартиры ничего не пропало. На сегодняшний день имеем пять убийств!

Для наглядности Виталик продемонстрировал растопыренную пятерню с косым белым шрамом (в десятилетнем возрасте упал в отцовском гараже и пропорол руку какой-то железкой, валявшейся на полу).

– И ты хочешь, чтобы я составил психологический портрет? – попробовал догадаться Савелий.

Брат отрицательно покачал головой, поскреб рукой колючую щетину на подбородке, поморщился и наполнил свою давно пустовавшую рюмку.

– Этих составителей портретов у нас хватает и без тебя, – сказал он. – Я не сказал тебе главного, поберег на десерт. Давай только выпьем сначала...

Савелий отсалютовал чашкой, в которой еще оставалось немного кофе. Виталик не стал настаивать, выпил, закусил половинкой бутерброда, погладил себя по намечающемуся животу (хорошо, мол, пошло) и продолжил:

– Все пятеро не были знакомы друг с другом. Во всяком случае, нам не удалось установить ни фактов знакомства, ни каких-либо иных точек пересечения. А уж мы старались, поверь, землю носом рыли, но так ничего и не нашли.

Кадровик из гипермаркета, бухгалтер из небольшой строительной фирмы, преподаватель английского языка из строительного университета, методист детского сада, заместитель заведующего отделением сбербанка. Возраст, круг общения и школы разные.

Коренная останкинская жительница только одна – Борчазова из «телевизионного» дома на Аргуновской. Все остальные поселились в Останкино уже во взрослом возрасте – кто к мужу переехал, кто после развода разъехался, одна квартиру с родителями разменяла, одна купила квартиру с мужем...

– А может, они посещали одного и того же психоаналитика или психолога? – предположил Савелий.

– Насчет психологов нам ничего узнать не удалось, не было информации, что хотя бы кто-то из них ходил к психологам, но парикмахеры с косметологами у них точно были разными.

Но ты не перебивай, ты слушай... Есть один общий момент. Все пятеро в день своего убийства заболели, не пошли на работу и вызвали на дом врача из поликлиники. Но ни одна из них врача не дождалась... Врачи приходили уже после, им не открывали, они звонили к соседям, отмечались, что были, мол, в такое-то время...

– Я, конечно, очень далек от всей этой вашей розыскной деятельности, но мне кажется, что это обстоятельство сильно сужает круг подозреваемых и облегчает вашу работу. В чем тут заковыка?

– А заковыка в том, что вызывали из двух соседних поликлиник! – сверкнул глазами Виталик. – Дома на Первой Останкинской, Кондратюка и Аргуновской относятся к пятьдесят пятой поликлинике, а дома на Большой Марьинской и Калибровской – к восемьдесят шестой. И как мы ни старались, нам так и не удалось найти какую-то связь, какого-то человека, который бывает в обеих поликлиниках и имеет доступ к журналам вызовов.

Следствие, можно сказать, зашло в тупик. Кончик, за который надо тянуть, чтобы распутать весь клубок, у нас есть, только он больно скользкий, не ухватишь. Тут я и подумал – а братан-то мой врач, да голова у него светлая, незамутненная нашей оперативно-розыскной деятельностью. Может, думаю, пораскинет Савелий мозгами своими умными, подскажет. Ты же всегда хорошо соображал, в шахматы меня всегда обыгрывал...

От такой приторной лести у Савелия чуть зубы не свело. Видать, здорово приперло дорогого родственника, обычно он столько хорошего говорит только о себе.

– Вот я и пришел к тебе ни свет ни заря...

– Мог бы часа на четыре и опоздать, – съязвил Савелий. – Не пожар.

– Здесь – пожар! – Виталик постучал кулаком себя в грудь, очень напомнив Кинг-Конга. – Все горит! Ты не понимаешь наших нюансов. Это громкое дело, по нему работает город, а мы, местные, так – на подхвате. Все начальство только и думает, что об останкинском душителе, у него такое неофициальное погоняло. Это мой шанс! Если я выскажу дельное соображение или дам какой-то полезный результат, то меня заметят...

– Произведут в полковники и назначат начальником ОВД!

– Ну не сразу, конечно, в полковники... – замялся брат, – но уж «на земле» я точно не останусь, смогу перейти в округ или на Петровку. У нас ценят тех, кто хорошо соображает, результаты-то всем нужны. Понимаешь, брат?

Вопрос сопровождался фирменным взглядом голубых глаз Виталика, доверчивым и просительным одновременно. Посмотрит-посмотрит, а потом моргнет своими длинными девчачьими ресницами и опять смотрит. Камень растает под таким взглядом, не то что человек.

– Понимаю, – кивнул Савелий.

У него всего-то и было двое родных людей – мать в далеком немецком городе Любеке да Виталик. По частоте общения и местонахождению Виталик мог с полным правом считаться самым близким родственником. С матерью Савелий перезванивался пару раз в месяц («Привет! Как дела? У меня тоже все в порядке»), а виделся раз в год или в два.

– А если понимаешь, тогда пораскинь мозгами... Есть же какая-то связь, только мы ее никак нащупать не можем. Так бывает – бьются лучшие люди над проблемой, да все без толку, а потом приходит кто-то и говорит: «Да вы же не с того боку зашли, вот как надо». И все встает на свои места.

– Может, кто-то из врачей подрабатывает в соседней поликлинике?..

– Ну, уж настолько у нас ума хватило... – скривился Виталик. – Проверили. Перетрясли. Просеяли через мелкое сито. Никаких совместителей, и на консультации никто к соседям

не ходит. Нет никакой связи, но пять трупов есть. Со схожим почерком и обстоятельствами. Вызвали врача из поликлиники, и на тебе! Причем я подозреваю, что этот самый душитель, скорее всего, представляется врачом, чтобы ему дверь открыли...

– Возможно, он подслушивает телефонные разговоры, – предположил Савелий. – На номерах, по которым вызывают врачей. Записывает адресок и...

– Эту версию отработали. Не подтвердилась. Ты не заморачивайся всяким прослушиванием и прочими шпионскими играми. Ты подумай над поставленной задачей, а я пока посплю.

– Ты бы рассказал поподробнее, что ли, – попросил Савелий, – а то как-то все в общих словах. Личность каждой жертвы...

– Не надо забивать себе голову лишними сведениями, – тоном знатока ответил брат. – Думай о том, кто может иметь доступ к журналам вызовов в двух соседних поликлиниках и оперативно получать сведения о вызывающих врача на дом. Помни – наш душитель приходил раньше участковых врачей. А личности жертв тут ни при чем. Но если хочешь, я могу тебе о каждой в подробностях рассказать. Только потом, а то спать хочется так, что хоть помирай.

– Последний вопрос: внешне жертвы схожи между собой?

– Нет, – покачал головой брат. – На Аргуновской – полная блондинка с хорошими формами, – Виталик обрисовал в воздухе контуры женского тела, – на Большой Марьинской – коротко стриженная худышка, больше на мальчика похожая, 24 года буквально накануне убийства исполнилось; брюнетка, на пояснице татуха – цветочек-веточки. На Первой Останкинской – обычная тетка, ни лица, ни фигуры, только по паспорту пол женский...

Савелия передернуло. О жертве убийства можно было бы выразаться и уважительнее. Но надо отдать брату должное, язык у него был образный. Савелий сразу же представил женщину, убитую на Первой Останкинской улице.

– ...На Кондратюка – фифочка-шатенка, – продолжил Виталик, немного в теле, очень ухоженная, шелковые пеньюарчик, халатик и простыня. Богемный тип, короче. Вызвала врача, накрасилась и ждала. Дождалась... И бутылка текилы в тумбочке, кстати, как штрих. А на Калибровской такая дылда, плоская спереди и сзади, подиумный тип. Нос, как рубильник, короткая стрижка. Сорок три года, самая старая из убитых...

Спустя пять минут Виталик громко храпел на гостевом диване (кобуру с пистолетом он принес из прихожей и положил под подушку), а Савелий неторопливо пил на кухне вторую чашку кофе и размышлял над поставленной задачей. Не потому, что так велено, а было интересно. Загадками, ребусами и всякими там головоломками Савелий увлекался с детства. А тут так неожиданно представилась возможность принять участие в настоящем следствии, помочь поймать реального, невыдуманного убийцу.

При мыслях об убийце Савелий поежился и эгоистично порадовался тому, что живет на Таганке, далеко от Останкина, где орудует серийный душитель. Хотя кто его знает, может, и на Таганке есть свой маньяк, только об этом пока почти никто не знает?

3

На работу Савелий старался ходить пешком в любую погоду, будь то ливень или метель. У природы, как известно, плохой погоды нет. Оделся по сезону, зонтик прихватил или капюшон на голову натянул и – вперед! Можно без песен. Зато на работу приходишь бодрый, а не сонный-вялый. Да и какое там расстояние от Стройковской улицы, где жил Савелий, до Средней Калитниковской, на которой располагался его диспансер? Рукой подать! Если считать по прямой, меньше километра выходит. А светофоров, между прочим, шесть штук и пробки в районе Таганки везде – как на магистралях, так и на объездных улицах. Иной раз все так ломанутся в объезд, что утром по Абельмановской можно с ветерком проехать, а родная Стройковская стоймя стоит.

Если же после работы ожидалось какие-то выездные-разъездные дела, вроде поездки по магазинам или еще чего-то в этом роде, Савелий отправлялся на работу на своей «соньке» (официальное название Hyundai Solaris) цвета «металлик». Ее Савелий подарил себе на Новый год, пока еще не до конца подарил – кредит еще выплачивать и выплачивать. Автомобиль Савелию нравился – удобный, симпатичный, недорогой, довольно простой в обслуживании. Самое то для небогатого горожанина.

Брат Виталик, тяготевший к монструозно-брутальным танкам, раскритиковал «соньку» в пух и прах. «Ну что ты взял, Савела? Это же пародия, а не автомобиль! Только цвет приятный, больше ничего! Скажи мне, какой смысл брать в кредит маленький, маломощный и дешевый седан? Он... Он... Он не престижный, в конце концов! Взял бы нормальную тачку, чтоб над тобой люди не смеялись!»

Сам Виталик разъезжал на купленной «по случаю» Mitsubishi Pajero 2007 года выпуска. Машину, привезенную из Японии, купил во Владике¹ один из приятелей Виталика. Там же местные умельцы переделали непрестижный в Москве правый руль на левый.

Затем был перегон покупки своим ходом в Москву. Плохие дороги плюс спешащий водитель (заканчивался отпуск) не лучшим образом сказались на состоянии машины, да вдобавок на подъезде к Москве, где-то в районе Балашихи, утомленный дорогой водитель заснул за рулем и врезался в столб. Сам благодаря ремню и подушке остался жив, отделавшись сотрясением мозга и переломом нескольких ребер, а машина пострадала куда сильнее.

Выписавшись из госпиталя, неудачливый перегонщик задешево сбыл машину Виталику, который сдуру очень обрадовался выгодной покупке, но радость его была недолгой. На восстановление транспортного средства ушли все накопления, да еще пришлось порядком залезть в долги.

«Лучше бы ты ума себе купил!» – возмущалась жена Лариса, поначалу не возражавшая против покупки битой «Паджеры» по цене новенькой «Нексии». Только «Паджера» подкачала, при более тесном знакомстве оказалась напрочь убитой. И руль приморские умельцы переставили не совсем правильно, и многие узлы пострадали во время скачков по бездорожью, и сам владелец постарался – конкретно об столб приложил.

Но в итоге, стоически перенеся все потрясения, Виталик начал разъезжать на крутой престижной тачке. Радость его немного омрачали долги и частые поломки «Паджеры», которую он ласково окрестил «поджарым». Подобно тому, как люди, перенесшие много испытаний, не могут похвастать крепким здоровьем, так и машины, прошедшие через огонь, воду и руки отечественных умельцев, больше уповающих не на технологию, а на авось, часто ломаются. Но зато есть что предъявить людям, чтобы завидовали.

¹ Владик – Владивосток.

Савелий подошел к припаркованной во дворе «соньке» и уже достал было ключи, но потом передумал. Во-первых, в будний день ехать в Останкино с Таганки – не очень большое удовольствие. Даже не в час пик и по набережной. Во-вторых, машину все равно придется где-то оставлять и ходить пешком.

Савелий пока не смог найти ответ на вопрос двоюродного брата. Прикидывал и так, и сяк, пока Виталик спал и когда он, вспомнив про то, что сегодня Восьмое марта, убежал домой, даже схему какую-то дурацкую начертил, чтобы думалось лучше – не помогло. Мало того, даже ночью ворочался с боку на бок, думал. С Савелием случалось такое, захватит какая-нибудь задача, математическая (трижды призы на школьных олимпиадах брал), логическая или шахматная – и не отпускает до тех пор, пока не найдется решение. Уже не столько хотелось помочь брату, сколько доказать самому себе, что Савелий Лихачев не дурак, а даже совсем наоборот.

Из-за переноса выходных праздники растянулись на три дня. Девятое марта Савелий провел наедине с собой – долго валялся в постели, смотрел кино, читал, прогулялся немного, благо погода стояла солнечная, хорошая. Десятого сходил на встречу с однокурсниками (год от года встречи эти становились все скучнее и неинтереснее), а одиннадцатого, в воскресенье, которое на самом деле было первым рабочим днем недели, решил после приема стогнать в Останкино. Хотел посетить обе поликлиники, погулять по району, оглядеться, присмотреться, глядишь, какая-то мыслишка и придет в голову. Если абстрактно-логическое мышление буксует, надо задействовать конкретно-предметное. Работу поликлиники Савелий представлял неплохо, сам, в конце концов, работал в диспансере, это и есть поликлиника, только специализированная. Но видимо, какие-то нюансы ускользали от его внимания, иначе бы загадка решилась в два счета.

Карту Останкина Савелий изучил заранее – распечатал ее из Интернета, отметил обе интересующие его поликлиники и дома, в которых произошли убийства. Он вообще неплохо знал Москву (родной как-никак город), но в хитросплетениях улиц порой мог запутаться. Немудрено – Москва большой город, и вряд ли кто-то знает ее до каждого переулка. «Поеду на метро, выйду на «Алексеевской» и двинусь в сторону Выставки. А потом с «ВДНХ» вернусь домой», – решил Савелий.

После длинных выходных в медицинских учреждениях обычно аврал. Пациенты щедро предъявляют врачам накопившиеся проблемы и болячки. Первой пациенткой Савелия оказалась не столько сложная в работе, сколько в общении женщина, пребывающая в глубокой депрессии.

Генеральская вдова: «Знаете, доктор, мой муж был не из тех генералов, которые в метро ездят, а из тех, кого на руках носят!» У нее единственная дочь живет в Испании («Она у меня такая умница, в самой Сорбонне училась! Что она здесь забыла?»). Второй муж (гражданский, брак не регистрировали) постоянно пьет и не идет ни в какое сравнение с первым: «Ну тот был генерал, а этот – водитель! Но дома же должно мужским духом пахнуть! Дальше объяснять, доктор, или и так ясно?»

Три года назад пациентка была вынуждена продать небольшой хозяйственный магазин, которым обзавелась еще в эпоху приватизации. («Само в руки плыло, доктор, и стоило копейки! Вы ж помните, какая тогда была инфляция! Да вы такой молодой, что и не помните!») Магазин еще как-то развлекал, требовал каких-то усилий, когда-то даже прибылью радовал. Оставшись без дела, пациентка начала хандрить и постепенно дошла до мыслей о самоубийстве.

– Я – дура, – откровенно призналась она, – у меня менингит был, а после него умными не остаются. Но даже мне ясно, что со мной что-то не то, потому я к вам и пришла! Спасите меня или усыпите, а то возьму грех на душу – повешусь или в окно выпрыгну.

Постановка вопроса забавляла. Спасите (про усыпление было явно сказано для красного словца) меня, а то самоубьюсь. Даже в таком судьбоносном вопросе дама (это была именно

дама – величавая, корпулентная, осанистая, несмотря на свою депрессию) не могла обойтись без шантажа.

Медсестра Зинаида Александровна, женщина простецкой внешности и недюжинного ума, незаметно для пациентки подмигнула Савелию, выражая свое ироничное отношение к происходящему.

Доктору подобная фамилльярность, тем более проявляемая во время приема, не очень нравилась, но с ней приходилось мириться по трем причинам.

Во-первых, такой уж был у Зинаиды Александровны характер, который, как известно, переделке не подлежит, особенно когда человек уже более полувека с ним прожил.

Во-вторых, Зинаида Александровна была опытной медсестрой. Все знала и понимала, могла при случае подыграть доктору и подсказать чего-нибудь. Не в отношении психиатрии или психотерапии, а насчет того, как лучше поступить, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. В медицине, а уж в психиатрии и подавно, очень важно, чтобы так было.

В-третьих, Зинаида Александровна была москвичкой, а стало быть, случись что, не брала отпуск за свой счет и не уезжала на историческую родину, как многие другие медсестры. У кого отец запил, у кого мать должны оперировать, у кого сестра родить должна...

Главный врач Анатолий Михайлович сердился, иногда даже негодовал, саркастически осведомлялся о том, а кто же, мол, будет работать, но заявления о предоставлении отпусков за свой счет неизменно подписывал. А иначе получишь тогда вместо одного заявления другое – об увольнении по собственному желанию. С медсестрами в Москве плохо, она уедет на родину, вернется и в два счета найдет себе новое место. Гораздо быстрее, чем диспансер найдет подходящую медсестру. В психиатрии своя специфика, не каждому по силам.

Никак не отреагировав на подмигивание, Савелий попросил Зинаиду Александровну получить у старшей сестры бланки направлений на госпитализацию. От старшей сестры быстро не уйдешь – минут пять на обмен новостями и еще столько же на получение ценных указаний. За это время Савелий планировал закончить с пациенткой, которая в госпитализации явно не нуждалась, ей требовались только антидепрессанты и конечно же добрые слова, понимание и сочувствие.

Закончил с ней через час. Генеральская вдова оказалась крепким орешком. Трижды доходя до конца, начинала все с начала, на намеки не реагировала, перевести беседу в деловое русло не позволяла. Уперлась тяжелым взглядом Савелию в переносицу (у него там даже зачесалось) и талдычила свое. Перебивать и обрывать нельзя – никакого контакта не будет, мягко действовать не получалось – пациентка слышала только то, что хотела, пришлось слушать, кивать и ждать, когда ей самой надоест или устанет. Ничего, дождался. На прощание даже удостоился комплимента.

– Таких внимательных докторов я еще никогда не встречала, – сказала пациентка, поднимаясь со стула и одергивая на полных бедрах ядовито-лиловую юбку (Савелий откуда-то вспомнил, что такой цвет считается вдовьим). – Увы, эта проклятая система и вас, доктор, испортит. Против нее не попрешь...

Какая именно система должна его испортить и почему, Савелий уточнять не стал, потому что в коридоре уже собралась очередь, некоторые даже нетерпеливо заглядывали в кабинет.

– Вот так баба! – высказалась после ухода генеральской вдовы Зинаида Александровна. – Одного мужа в могилу свела, другой рядом с ней спивается, дочь родная в Испанию удрала от такой мамы, а ей хоть бы хны! Депрессия у нее! Устроилась бы к нам на полторы ставки санитаркой, всю депрессию сразу бы как рукой сняло...

– Трудотерапия, Зинаида Александровна, это метод, а не панацея, – строго сказал Савелий. – И ее полезность, на мой взгляд, сильно преувеличена.

Зинаида Александровна поняла невысказанное и в притворном испуге зажала себе рот руками – все, доктор, молчу, не лезу больше с советами. Савелий не выдержал и рассмеялся.

Хорошая тетка Зинаида Александровна, хоть и представления о субординации у нее своеобразные.

Пожертвовав всеми перерывами (обычно между пациентами Савелий брал коротенькие двух-трехминутные тайм-ауты для того, чтобы настроиться на восприятие новой информации, а где-то в середине приема наскоро, не дольше десяти минут, чаевничал в кабинете старшей сестры), Савелий закончил прием вовремя.

Но тут черт принес доцента Родионова с кафедры психиатрии Клиники психического здоровья РАМН, как всегда, невовремя. У некоторых людей есть такое свойство – всегда приходить и звонить невовремя. Если бы им вздумалось объединиться в закрытый клуб, то лучшего председателя, чем Родионов, они бы не нашли.

– Савелий Станиславович, здравствуйте, дор-рогой мой, – с порога зарокотал густым баритоном доцент. – Хор-рошо, что я вас застал. У меня к вам весьма интер-ресное предложение...

Подобные предложения Родионова всегда оказывались одинаковыми – попахать на благо кафедры (точнее, него самого) за моральный пряник в виде публикации в каком-нибудь научном журнале, причем имя настоящего автора указывалось в самом конце длинного соавторского списка. Возглавлял список, ясное дело, Родионов.

– Здравствуйте, Владимир Георгиевич, – ответил Савелий, гостеприимно указывая рукой на стул для пациентов.

Родионов, шурша перекрахмаленным халатом, уселся, вальяжно закинул ногу на ногу, пригладил бороду, хотя на самом деле приглаживать там было нечего, узкая полоска короткой щетины, окаймлявшая его лицо, даже при большом желании не могла бы растрепаться, поправил очки, сползшие на середину крупного хрящеватого носа, кашлянул, прочищая горло, и озвучил свое предложение:

– Есть интересная тема, как раз по вашему профилю – средства массовой информации и подражательное суицидальное поведение. Если набрать хороший материал да правильно его интерпретировать, – здесь Родионов скромно улыбнулся, давая понять, что с этим проблем не будет, – то можно и на диссертацию выйти...

О диссертации Савелий иногда подумывал, надо бы, конечно, «остепениться» («Врач без степени – это как птица с одним крылом», – любила повторять мать, доверявшая свое здоровье только кандидатам и докторам наук). Но под руководством Родионова это делать не тянуло. Пустой человек Владимир Георгиевич. Сегодня скажет, завтра забудет, на слово ему верить нельзя, да и влияние у него небольшое, больше показухи. Недаром же языкатая Зинаида Александровна за глаза окрестила доцента «Чижиком-пыжиком». Отчасти за птичий профиль, отчасти за привычку пыжиться, строить из себя невесть что. А тема-то перспективная...

Прорассуждав минут десять насчет того, что можно «вытянуть» из темы (вплоть до доклада на международном конгрессе), Родионов умолк и выжидательно посмотрел на Савелия.

– Спасибо огромное, Владимир Георгиевич, за столь завлекательное предложение, – Савелий улыбнулся как можно приветливее, – но, увы, вынужден отказаться. И времени нет свободного, и столь специфичный материал мне придется набирать очень долго.

– Время при желании всегда найдется, – обиженно поджал губы доцент, – а что касается материала, то не надо ограничивать себя этими стенами...

Родионов взмахнул руками, как птица крыльями.

– Ради науки можно и оторвать седалище от стула, не так ли?

Савелий вздохнул и развел руками.

– Не спешите отказываться. – Родионов встал и покровительственно похлопал Савелия по плечу. – Подумайте на досуге, недельки две у вас есть.

– Подумаю, Владимир Георгиевич, – пообещал Савелий, давно привыкший к покровительственно-фамильярным замашкам доцента.

Подумать еще не значит согласиться, а затягивать разговор не хотелось. Мечталось, чтобы Родионов скорее ушел.

В метро, настраиваясь на загадку, Савелий освежал в памяти все, что знал о работе обычных поликлиник вообще и участковых терапевтов в частности. В голову больше лезли разные смешные случаи, приятно оживлявшие довольно унылый курс поликлинической терапии. В итоге Савелий так увлекся воспоминаниями, что проехал «Алексеевскую», на которой собирался выйти. Хорошо еще, что вовремя спохватился, а то бы уехал в «Медведково».

Пришлось двигаться с севера на юг, а не с юга на север, как было запланировано изначально. С проспекта Мира Савелий свернул на Первую Останкинскую, прошелся по ней, жалея о том, что не узнал у Виталика номер дома, в котором произошло убийство. Вряд ли он помог бы в решении задачи, но тем не менее... Как это делают в некоторых детективах – нанесут на карту все точки, где были совершены преступления, затем соединят их линией, напоминающей изломанную окружность, и с умным видом ткнут в центр – преступника надо искать здесь! Не совсем понятно, почему именно там, но ведь находят. Впрочем, так в кино.

Савелий чуть было не спросил у улыбчивого дворника-азиата, не знает ли тот, в каком доме задушили женщину, но опомнился и не стал задавать дурацкий вопрос. Чего доброго, стукнет бдительный дворник в полицию, что подозрительный человек интересуется домом, в котором произошло убийство. Вот уж будет хохма, если Савелия задержат и доставят в отделение на допрос к двоюродному братцу. Накроется вся сегодняшняя затея, и лет пять, если не все десять, придется слушать Виталькины насмешки по поводу самодеятельных шерлокхолмсов. Тому только дай повод позубоскалить.

Вместо одного вопроса Савелий задал другой – поинтересовался, не знает ли дворник, как пройти на Аргуновскую к «телевизионному дому». Дворник засверкал золотыми коронками и пустился в обстоятельные объяснения на довольно хорошем русском языке. Рассказывал он дорогу напрямик, по дворам, как короче.

Савелий слушал, повторял про себя, вроде бы все запомнил, но в конечном счете все перепутал и вместо искомого дома вышел к поликлинике на улице Цандера. Потом уже задним умом понял, что, подобно бумерангу, сделал круг по дворам, намереваясь вернуться почти на то же место, где разговаривал с дворником. И непременно вернулся бы, если бы не заметил белого трехэтажного здания, окруженного реденькой металлической оградой.

– На ловца и зверь бежит, – удовлетворенно сказал Савелий, хотя на самом деле этот недотепистый ловец, подобно легендарному матросу Железняку, шел в одно место, а вышел совсем к другому.

Сдав куртку в гардероб, Савелий пригладил волосы пятерней, привычно подумав о том, короткая стрижка конечно же практичнее длинной, но живописный беспорядок на голове придает ему определенный шарм.

Матери до сих пор хотелось, чтобы сын выглядел прилично (в ее понимании, разумеется), и она периодически интересовалась, а не состриг ли Савелий свои «лохматые патлы». Сын дипломатично отвечал «пока нет», и на этом тема стрижки считалась закрытой. Месяца на два, а то и на три, в зависимости от материнского настроения. Виталику «лохматые патлы» тоже не нравились, но не с эстетической, а с практической точки зрения. «Зачем давать противнику лишнее преимущество?» – недоумевал он, намекая на то, что во время драки так удобно схватить соперника за волосы и приложить об стену, об асфальт или, на худой конец, об колено. Но это с точки зрения Виталика, любителя подраться и обладателя какого-то крутого, с его слов, дана по айкидо, Савелий все никак не мог запомнить, какого именно. Савелию же, всем видам единоборств предпочитавшему уход от конфликта, вплоть до постыдного, но безопасного бег-

ства, длинные волосы никаких проблем принести не могли. Если уж что, то его отделают, как бог черепаху, и бритого налысо.

Знакомство с поликлиникой уместнее всего начинать с доски информации, растянувшейся во всю стену. Собственно, светло-синих досок с фамилиями сотрудников и часами приема было три, одна возле другой. Савелий подивился тому, что у главного врача относительно небольшой поликлиники есть три заместителя – по медицинской части, организационно-методической работе и клинико-экспертной работе, а потом вспомнил, что непременно должен быть и четвертый – по экономическим вопросам. Порадовавшись за незнакомого главного врача (Анатолий Михайлович, главный врач Савелия, обходился двумя заместителями), Савелий перешел к заочному знакомству с коллегами.

– Подсказать чего, молодой человек?! – гаркнули из окошечка регистратуры.

Савелий от неожиданности вздрогнул и повернулся вправо.

– Подсказать чего? – уже тише повторила дородная сотрудница, очень похожая на первую сегодняшнюю пациентку; только у той голос был уныло-депрессивным, а у этой бодрым, командирским.

– Мне бы талончик к невропатологу, – наугад сказал Савелий.

– К невропатологу у нас запись, – важно поправила регистратор. – А вам к какому? Проживаете где?

– На Аргуновской, – вырвалось у Савелия. – В телевизионном доме.

Собственно, что еще было отвечать? Называть наугад номер дома? А вдруг окажется, что это дом нежилой, школа, там, или детский садик? Лучше не рисковать.

– То-то же я думаю – откуда мне ваше лицо знакомо. – Собеседница расплылась в улыбке, а командный тон сменила на приторно-приветливый, которого, если честно, Савелий не выносил. – Здравствуйте.

– Здравствуйте, – ответил Савелий, прикидывая, с кем могла его спутать тетка.

Вроде бы не с кем. Ни на одну теле-кино-поп-звезду Савелий не походил. Во всяком случае, до сих пор он не замечал и не слышал от посторонних ничего подобного.

– Я так жалею, что вашу программу закрыли. – Регистратор покачала пергидрольной головой, увенчанной крошечной кокетливой шапочкой. – Я всегда ее смотрела, и повторю тоже!

– Спасибо, – поблагодарил Савелий. – Мне очень приятно слышать...

– А говорили, что вы теперь за границей живете, – продолжала регистратор. – А вы, оказывается, здесь...

– Девушка, Недбайкин как завтра принимает?

Мимо Савелия с видимым неудовольствием (стоят тут всякие, окошечко загораживают) протиснулся плешивый мужик в свитере кирпичного цвета и камуфляжных штанах.

– Вы что, не видите, что я разговариваю?! – вмиг сменила тон на строгий сотрудница. – И не видите, с кем я разговариваю?! С двух завтра ваш Недбайкин, вон написано же! Или вы читать не умеете?!

Кирпично-камуфляжный молча исчез. Совсем как джинн из сказки. Только что был тут – и нет его.

– Что за народ? – вздохнула регистратор. – Сама бы за границу уехала, да не к кому... А вы, значит, к невропатологу?

Савелий кивнул. Назвался груздем – полезай в кузов.

– А она заболела, – пригорюнилась собеседница.

«Ну и хорошо!» – чуть не вырвалось у Савелия.

– Приходите на той неделе, во вторник, с утрачка. Я вас к ней проведу без записи...

– Спасибо, непременно приду, – пообещал Савелий. – Всего хорошего.

Он направился к лестнице, но был остановлен криком:

– Выход в другой стороне!

– Я хочу пройтись по поликлинике, – обернувшись, сказал Савелий. – Давно, знаете ли, не был...

Сказал не только для пергидрольной тетки из регистратуры, но и для усатого и чубатого (из казаков, что ли?) охранника, отложившего недочитанную газету и пялившегося на Савелия.

– Пройдитесь, пройдитесь, – снова заулыбалась регистратор и многозначительно добавила: – Вам можно!

Для охранника последняя фраза послужила чем-то вроде команды «Отставить!». Он снова уткнулся в свои разноцветные «Московские сплетни», мгновенно потеряв к Савелию всякий интерес.

«Охранник... – думал Савелий, поднимаясь по лестнице. – Сидит здесь целый день. Может заглянуть в журналы вызовов, посочувствовать: «Ой, как много сегодня накидали» – и запомнить какой-нибудь адресок. А в соседней поликлинике, скорее всего, дежурит охранник из того же ЧОПа, ведь не поодиночке поликлиники с охранными фирмами договариваются, а в централизованном порядке, на уровне округа или даже департамента...

И тот тоже может спокойно, без проблем, вроде как от нечего делать, поинтересоваться вызовами. Интересуются они и передают информацию кому-то третьему... Общему знакомому... Тоже охраннику? А почему бы и нет? Банда охранников-душителеев, охранников-насильников? А почему бы и нет? Возможно, что орудует несколько человек со схожими... пристрастиями.

Может, их всего двое – А и Б? Допустим, Альберт и Богдан. Сегодня Альберт дежурит в пятьдесят пятой поликлинике и снабжает информацией Богдана, у которого законный выходной. Тот, к примеру, гуляет по району с сумкой на плече, без сумки или портфеля участковые врачи по вызовам не ходят, и ждет звонка. Альберт звонит, сообщает адрес и фамилию, Богдан идет и делает свое черное дело. А завтра выходит на дежурство и, в свою очередь, дает информацию Альберту. Это же очень просто – отправил незаметно СМС, и все. Возможно, даже зашифрованную, чтобы, если кто и прочел, то ничего бы не понял. Альберт и Богдан. Один любит душить руками, а другой – пояском от халата... А Виталик со своими коллегами и не догадывается... Вот что значит свежий взгляд на проблему! А может, они доверяют охранникам, свои же, в некотором роде...»

Додумав версию на площадке между вторым и третьим этажами, Савелий бегом, чуть ли не вприпрыжку, спустился вниз, так и не погуляв по поликлинике. Выйдя в коридор, постарался взять себя в руки и неторопливо двинулся в сторону гардероба, соображая на ходу, как бы поестественнее вынудить охранника отложить на секунду-другую газету. Надо же прочесть название ЧОПа на шевроне (или где еще там оно может быть написано?). А потом бегом в другую поликлинику и сравнить. Если совпадет, то версию можно дарить Виталику. Позвонить вечером и так небрежно, между делом, начать: «Знаешь, а меня сегодня случайно занесло к вам в Останкино...» Та-да-да-дам! Та-да-да-дам! Та-там-дам-дам-та-там-дам-дам! Вот потехато будет...

Все получилось очень естественно, даже изящно. Савелий и не ожидал от себя такого актерства. Получив в гардеробе свою куртку, он отошел в сторонку, чтобы не мешать другим, «случайно» оказался возле охранника. Надевая куртку, Савелий задел полую газету (размахался, понимаешь ли) и рассыпался в многословных извинениях, которые были благосклонно приняты.

Несмотря на свой серьезно-суровый вид, охранник оказался весьма миролюбивым человеком. Он даже улыбнулся, обнажив щербатые, желтые от никотина зубы. Вполне возможно, что охранник привык выплескивать агрессию в иных местах и другой форме, но сейчас Савелию было не до личности охранника. Его интересовала форменная одежда или хотя бы бей-

джик. Да и вообще неизвестно пока, кто перед ним – один из убийц или обычный, ничем не примечательный человек.

Бейджик разглядывать не пришлось, потому на шевроне желто-золотистым по черному крупными буквами было написано «ЧОП «Гаман-плюс».

«Гаман-плюс, – повторял Савелий, идя быстрым, размашистым шагом, по Цандера в сторону Звездного бульвара, – Гаман-плюс...»

На бульваре, как всегда выглядевшем немного заброшенным, недоухоженным и оттого каким-то очень естественным, Савелий остановился и со смартфона зашел в Интернет. Набрал в поиске заветное название, зашел на сайт «Гамана». Надо же – работают без малого двадцать лет с 1993 года, а двух убийц в своих рядах проглядели!

В том, что убийц двое и что оба они работают охранниками в «Гамане-плюс», Савелий уже не сомневался. Уж больно стройной и логичной выглядела его версия. Осталось только подтвердить догадку опытным путем, убедиться, что восемьдесят шестую поликлинику на Бочкова охраняет тот же ЧОП, и можно звонить Виталику.

Вначале Савелий намеревался звонить вечером, сидя в уютном кресле с чашечкой кофе в руках, но сейчас уже понимал, что не утерпит. Да и правильно, подобную информацию надо сообщать незамедлительно. Тут уж промедление может обернуться новыми смертями. Будучи психиатром, Савелий прекрасно представлял непредсказуемость чужих поступков и их бесконечное многообразие. Может, эти садисты в первой половине дня промышляют по домам, а вечерами перемещаются в какие-нибудь малолюдные парки... Пока Савелий будет добираться домой, ужинать да варить кофе, они такого могут натворить! Нет, Савелий не станет медлить...

Интересно, а частным лицам не положено ли каких-либо наград за помощь в поимке опасных преступников? Впрочем, нечего раскатывать губы – пусть брат забирает все лавры себе. Он в этой системе работает, ему карьеру делать надо, расти, в полковники выходить.

На проезде Ольминского Савелий, упивавшийся собственным благородством и не смотревший по сторонам, чуть не попал под троллейбус. Водитель сворачивал в парк, предвкушая конец смены или просто перерыв, и тут ему под колеса шагнул Савелий. Реакция у водителя оказалась выше всяких похвал, фантазия неиссякаемой, а глотка поистине луженой. Савелий, живой и невредимый, уже дошел до поликлиники, а в спину ему все неслись витиеватые пожелания, процентов на восемьдесят состоявшие из нецензурных слов.

«Энцефалопат дисфоричный», – мысленно охарактеризовал своего спасителя Савелий, что в переводе с психоневрологического жаргона означало чудака на большую букву «м».

Восемьдесят шестая поликлиника оказалась больше пятьдесят пятой. Типовое четырехэтажное здание, ничего особенного, Савелий работал точно в таком же. Ему даже внутрь заходить не пришлось, потому что охранник курил на крыльце, да еще и весьма удачно стоял к улице левым боком. «Гаман-плюс» – прочитал Савелий на шевроне.

Все совпало. Савелий обогнул поликлинику, немного прошелся дворами, выглядывая тихое укромное местечко, подходящее для телефонного разговора с Виталиком, разглядел пустую скамейку, расположенную в отдалении от детской площадки, сел на нее и минут десять безуспешно пытался дозвониться до брата.

«Абонент не отвечает или временно недоступен...» – извещал равнодушный голос.

Пришлось идти к «Алексеевской». Возле метро Савелий повторил попытку. Снова облом, «Абонент не отвечает или временно недоступен...».

Вариантов могло быть великое множество. Совещание, засада, преследование преступника, скоротечная измена жене, разрядившийся аккумулятор, рейд по каким-нибудь подвалам, где нет приема...

Выйдя из вагона на «Китай-городе», Савелий попробовал еще раз. «Абонент не отвечает или временно недоступен...» Не судьба, значит, придется звонить из дома.

Вредный Виталик отозвался только в десятом часу. К тому времени Савелий уже перегорел, поэтому не стал интриговать, а выложил информацию и умолк в ожидании слов благодарности и, разумеется, восхищения.

– Пряткий ты, – как-то без особого энтузиазма похвалил брат. – Надо же, не поленился к нам в Останкино приехать... Ну-ну. Только охранники здесь ни при чем. У всех нормальное такое алиби, убедительное, не подкопаешься. А самое главное – убийца у нас один. Я не стану вдаваться в подробности, да и права не имею разглашать служебную информацию, хватит и того, что уже сказал, но то, что убивает один и тот же человек, – стопроцентно! Без вариантов. Ладно, Савелий, спокойной тебе ночи. Спасибо за помощь органам.

Брат, не дожидаясь ответа, отключился.

– Пожалуйста, – сказал в пищашую трубку Савелий. – Обращайтесь еще, когда понадобится. Тайны он разглашать не имеет права... А зачем тогда Восьмого марта приперся ко мне с утра пораньше? Или это такой новый вариант поплакаться в мою безразмерную жилетку?

Трубка продолжала надсадно пищать. Савелий нажал кнопку отключения, в сердцах швырнул телефон на кровать (и душу отвел, и с аппаратом ничего не случилось) и пересел из кресла за стол. Можно было бы, конечно, посидеть в кресле с нетбуком на коленях, но Савелию захотелось за стол, к большому экрану.

– Мы еще посмотрим... – многозначительно и угрожающе бурчал себе под нос Савелий в ожидании загрузки компьютера. – Узнаем, кто из нас умный, а кто не очень... Спасибо за помощь органам... Ишь ты! Наградил же Господь братцем...

Хотелось немедленно начать действовать. Делать хоть что-нибудь, бороться и искать, ни в коем случае не сдаваться и в итоге найти ответ. И тогда... «Хватит! – оборвал себя Савелий. – Помечтали – и будет!»

Непонятно почему, во всяком случае не имея никакой определенной цели, он зашел на сайт Департамента здравоохранения и нашел там пятьдесят пятую поликлинику, в которой сегодня побывал. Пробежался глазами по списку обслуживаемых адресов, ознакомился с перечнем отделений и кабинетов, посмотрел несколько фотографий – главный врач, заместитель главного врача, главная медсестра, процедурный кабинет, уролог в своем кабинете. Затем перешел на страничку восьмьдесят шестой поликлиники. Адреса, перечень отделений и кабинетов, фотографии... Неожиданно нашлась новая зацепка, о которой Савелий, будучи по специальности психиатром, без подсказки и не подумал бы.

Он вернулся к пятьдесят пятой поликлинике. Да, все верно. Зацепка найдена, теперь надо ее к делу приспособить, подумать и решить – может здесь крыться ключ от запертой двери или нет. Решить самому, а потом уже, если зацепка окажется не ложной, сообщить любимому двоюродному братцу. О, Савелий Лихачев еще покажет мастер-класс по решению головоломок! Внимательнее надо быть, друзья. «Нет никакой связи...» Это только на первый взгляд так кажется.

Напряжение суматошного дня лучше всего смывать в ванне – полежать с четверть часика в хвойной пене, расслабиться и подремать. Под музыку. Савелий принес из кухни компактный проигрыватель, поставил его на стиральную машину, заткнул сливное отверстие, открыл воду и на мгновение зажмурился от предвкушения удовольствия. Он бы мог принимать ванну каждый день, время на это мероприятие найти не трудно, но тогда бы не было такого удовольствия. Рутинная – враг радости. А вот если иногда, по случаю, тогда совсем другое дело. И не нужно никаких массажных форсунок и прочих изысков, нужна только вода и пены немного. Сидишь, блаженствуешь, душой отмякаешь.

4

После ординатуры Светка Шабалдина устроилась в небольшую, но очень понттовую частную клинику, расположенную в самом центре, в каком-то из сретенских переулков, в каком именно, Савелий не помнил. Попала случайно, без всякой протекции. Пришла по объявлению, произвела впечатление на главного врача (Светка умела, этого у нее не отнять, могла одними впечатлениями экзамен на четверку вытянуть при полном отсутствии знаний по предмету) и села на прием. Через полтора года стала заведовать гинекологическим отделением. Не бог весть что, всего восемь человек в подчинении, но все же статусно. Где-то у Савелия должна была храниться Светкина визитная карточка той поры, двусторонне-двуязычная, ослепительно-золотая, с рельефным логотипом клиники. Не карточка, а натуральный сувенир, потому и не выбросил.

«Долго гладко не бывает», – говорила классный руководитель Ангелина Андреевна, прозванная школьниками Ананасом, когда неделя обходилась без происшествий. Ничего общего с тропическим фруктом эта сухопарая истеричка не имела. Но если у педагога Ангелины Андреевны фамилия Асмоловская, то Ананас напрашивается сам собой, по первым буквам имени, отчества и фамилии.

В один обычный день одной ничем не примечательной клиентке в клинике собрались удалить полип шейки матки. Несложная, в сущности, операция, разумеется, при условии, что у врача руки растут откуда надо и голова соображает.

У доктора, которой предстояло удалить полип, голова вроде как соображала нормально, и шестилетний опыт работы имелся. Никто не мог ожидать, что она возьмет и введет пациентке в вену лидокаин² без разведения. Да еще десятипроцентный вместо обычно используемого двухпроцентного. При последней поставке накосячил склад поставщика – перепутал процентное содержание и отгрузил не те ампулы.

Светка лично предупредила всех врачей, чтобы были внимательнее, делали поправку на то, что в ампуле лидокаина в пять раз больше. Все кивали умными головами, и на тебе... Да еще без разведения. Физраствора, видишь ли, под рукой не оказалось, а спуститься в подвал, где находился аптечный склад, было лень и врачу, и медсестре. И решили вводить без разведения. Помедленнее введем – и пронесет, раньше же проносило. Увы, на этот раз не пронесло – клиентка закатила глаза, посинела, затряслась, захрипела и умерла. Две дуры в белых халатах даже реанимационную укладку открыть не успели и пособие оказать – прыгали вокруг да встревоженно кудахтали.

По жалобе мужа покойной завели уголовное дело. Врача осудили (два года ограничения свободы – дешево еще отделалась), а Светку взбешенный главный врач, бывший одновременно и совладельцем клиники, уволил. Тот, кто заведует отделением, отвечает за все, что в отделении происходит. Хорошо еще, что дал уйти по собственному желанию, не стал портить трудовую книжку.

Светка попробовала остаться в полюбившейся ей сфере коммерческого здравоохранения, сунулась было в одно место, в другое, в третье, но отовсюду звонили бывшему главному врачу, а тот давал далеко не лучшие рекомендации, и Светке везде отказывали. Пришлось устраиваться врачом в женскую консультацию обычной районной поликлиники. Пришла ненадолго, до тех пор, пока не подвернется что-то, по ее словам, стоящее, но работала там уже два года. Привыкла, наверное.

² Лидокаин – лекарственный препарат, обладающий обезболивающим действием. Передозировка может привести к летальному исходу.

– Вау! Сколько лет, сколько зим! – обрадовалась звонку Савелия Светка, игнорировавшая любые коллективные встречи однокурсников. – Неужели мои мечты начали сбываться?! Я, кстати, до сих пор свободна, а ты?

– Я тоже, – ответил Савелий.

В начале пятого курса у них был короткий, приятный, ни к чему не обязывающий роман. Два человека проводили друг с другом большую часть свободного времени, а когда им это наскучило, спокойно расстались, перейдя из категории любовников в добрые приятели. После окончания института доброе přátельство быстро сошло на нет, развела жизнь в разные стороны.

Теперь у Савелия возникла в Светке потребность. Не потребность в прямом смысле этого слова (Савелий не любил восстанавливать сломанные мосты и дважды входить в одну и ту же воду), а в расширенной консультации. Теорию все врачи, независимо от специальности, которую они для себя наметили-присмотрели, учат одну и ту же, но Савелия больше интересовала практика – организация работы женских консультаций. Не принципы, а реальность – как эта работа выглядит на самом деле.

– Здорово! – восхитилась Светка, Савелий не понял – притворно или искренне. – Когда организуем мероприятие под названием: «Просто встретились два одиночества»?³ Или у нас все будет не просто?!

Дурачится, понял Савелий, настроение хорошее.

– У нас все будет просто замечательно, – подхватив предложенный тон, ответил он. – Какие у тебя планы на пятничный вечер?

– Встретиться с тобой, раз уж ты меня вспомнил! – рассмеялась Светка. – Желательно не у меня дома, потому что я потихоньку закупаюсь к предстоящему ремонту, и моя конура больше похожа на склад стройматериалов, чем на место, подходящее для приема старых друзей.

К себе Савелий приглашать не стал – получится слишком интимно и многообещающе. Предложил посидеть где-нибудь за кружечкой пива. Светка, насколько он помнил, предпочитала пиво всем другим напиткам, тем более что она от него не полнела. Она вообще ни от чего не полнела, пережигала лишние калории в эмоциях, не давая им отложиться на бедрах или еще где-нибудь. Опять же – пиво и пицца не интимно, в отличие от красного вина с пирожными. Лучше уж сразу расставить акценты, а то кто знает, что Светка может себе вообразить. Может, она и не дурачится вовсе, а сразу пытается схватить быка, то есть Савелия, за рога.

Можно, было, конечно, расспросить Светку по телефону или пообщаться в скайпе, но это было бы непрофессионально. Можно упустить много чего важного. Виталик однажды на сочувственный вопрос Савелия: «И охота тебе по Москве носиться, разве нельзя было всех обзвонить?» – ответил получасовой лекцией о преимуществах непосредственных контактов перед удаленными. Надо брать пример с профессионалов, да и на Светку посмотреть охота, какая она стала. Небось из милой кошечки превратилась в пантеру...

Внешне Светка ничуть не изменилась – то же лицо и фигура, только взгляд из жизне-радостно-удивленного (ну-ка, жизнь, чем еще ты меня удивишь, чем еще порадуешь?) стал каким-то равнодушным, потускневшим, без малейшей примеси восторга. А может, Светка просто устала. В пиццерию она приехала с работы.

– Я с вечернего приема и потому так одета, – сразу же сказала она, словно извиняясь за джинсы и скромный черный джемпер.

– Я тоже, как видишь, не в смокинге, – улыбнулся Савелий, явившийся на встречу в джинсах и сером свитере с высоким горлом, подаренном матерью на прошлый Новый год.

³ Слова из песни Вахтанга Кикабидзе «Вот и весь разговор». Автор текста Ф. Лаубе.

В сетевой пиццерии смокинг вряд ли был уместен. Так же, как и вечернее платье-коктейль.

Встречи старых друзей, которые давно не виделись, проходят по единому сценарию. Вначале каждый рассказывает о себе, затем вспоминают общих знакомых, а после, осознав, что бывшие точки соприкосновения напрочь утрачены, люди лихорадочно пытаются нащупать новые. Иногда им везет в этом, и от встречи в целом остается приятное впечатление с желанием повторить ее как-нибудь еще. Савелий не собирался доводить до третьей стадии, он был намерен ограничиться первой.

– Ну, рассказывай, – попросил он после ритуального чоканья кружками. – Как живешь? Как работа?

– Живу нерегулярно, но с удовольствием, – усмехнулась Светка, – работаю регулярно, но без удовольствия. Впрочем, наоборот было бы еще хуже.

– Да, – согласился Савелий. – Лучше всего, когда и то, и другое с удовольствием.

– Так бывает только в кино, – вздохнула Светка и снова приложила к кружке.

– А что с работой? – поинтересовался Савелий. – Амбулаторная медицина, она, в сущности, не напряжная. Ни дежурств, ни особых сложностей. Отсидел прием – и свободен.

На самом деле амбулаторная медицина ничем не легче стационарной и напрягов да сложностей в ней хватает с избытком. В этом Савелий убедился на личном опыте. «Отсидел прием – и свободен» – это для лентяев и дураков. Люди, которые хотят чего-то добиться, выкладываются на работе по полной программе. Иногда даже и сверх того. Но Светку надо было разговаривать на тему работы, причем естественно, ни в коем случае не упоминая о том, зачем это надо Савелию. А от противного разговаривать проще простого. Человек заводится, начинает доказывать собеседнику, что все не так, только слушай да запоминай.

Полазив по сайту Департамента здравоохранения, Савелий выяснил, что, оказывается, женская консультация восемьдесят шестой поликлиники на Бочкова работает на два района – на свой и на пятьдесят пятой поликлиники.

Это ли не реальная связь? Это ли не зацепка? Ведь, насколько было известно Савелию, анализы, флюорография и осмотр гинеколога входят в тройку обязательных медицинских процедур для любой женщины, обратившейся к участковому терапевту за больничным листом. А вдруг все вызовы сразу же дублируются на компьютерах женской консультации или (что выглядело более вероятным) из регистратуры сообщают по телефону в женскую консультацию о заболевших? Или что-то еще...

В любом случае, наличие одной женской консультации на два те самые района, где орудует Останкинский Душитель, настораживает. Заставляет задуматься и изучить, собрать информацию, лучше всего собирать из первых рук. И нет разницы в том, что Светка работает не в Останкино, а на Соколе. Это частные клиники в Москве разные, а государственные все на одно лицо.

Нехитрая уловка сработала.

– Не напряжная?! – удивилась и, кажется, даже немного возмутилась Светка. – Ничего себе! Это, может, у вас, психиатров, не напряжная, а у нас – совсем наоборот. Пашем как проклятые, папа Карло на такой работе сразу бы копыта откинул, а мы ничего, справляемся! Ты был хоть раз в женской консультации? Нет, конечно!..

«Нет, конечно!» – послышался Савелию какой-то упрек, словно он был просто обязан периодически заглядывать в женскую консультацию по месту жительства. Не за медицинской помощью, а для оценки обстановки и выражения сочувствия сотрудникам.

– Это – ад! – Кусок пиццы, подцепленный вилкой, улетел куда-то далеко и, судя по отсутствию реакции, не попал никому ни на голову, ни в тарелку. – Сумасшедший дом! Я скоро стану твоей постоянной клиенткой...

Умело направляя беседу, Савелий за какие-то полчаса узнал следующее.

Первое – никакого отслеживания обращений к участковым врачам женская консультация не ведет. Почему? Очень просто – потому что не надо. Это участковым врачам надо, чтобы пациентки прошли гинеколога.

Второе – врачи женской консультации по домам конечно же ходят, не без этого. К беременным, к родильницам, к гинекологическим больным. Точнее, ездят, потому что вызовов немного, но раскиданы они по разным участкам, концы огромные. И посещений этих надомных не так уж и много. И с работой участковых врачей, в частности, с их вызовами на дом, выезды гинекологов никак не связаны. Гинекологи и терапевты сами по себе.

– У нас только главный врач общий и здание, а все остальное разное. И хорошо! Ты не представляешь, какая публика сейчас идет в участковые врачи. Туда никогда очередь из доцентов не стояла, но сейчас...

Отсюда вытекало третье – отсутствие точек соприкосновения. А ведь поначалу казалось, что здесь может быть зарыта какая-нибудь собака: «Ну, прямо как ребенок! – разозлился на себя Савелий. – Скоро тридцать стукнет, пора быть посерьезнее». Собственно говоря, сердиться на себя не было причин, но вся эта ситуация, которая сильно напоминала старую сказку: «Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что», – и начинала раздражать. И одновременно продолжала привлекать. Не бросишь, не отложишь, раз уже в азарт вошел. Увяз коготок, ой как увяз...

Когда Светкин пыл немного иссяк, а от обеих пицц не осталось ни кусочка, Савелий с настойчивостью утопающего, хватающегося за соломинку, перевел разговор на криминал. Постарался перевести тонко, так, чтобы не было никакой связи с тем, что творилось в Останкино. Для того чтобы задать общее направление, годится и совсем левый намек или толчок.

– А у нас в поликлинике врач из женской консультации работала наводчицей в шайке квартирных воров. Представляешь? Узнавала у пациенток всякие нужные подробности...

– Это еще что! – хмыкнула Светка. – У нас одна наркотой торговала, а другая – поддельными больничными. Не за деньги выдавала, а продавала совершенно левый бланк с печатями других поликлиник. Только заполняла его своей рукой в зависимости от того, сколько дней ей оплатили. Обеих накрыли с поличным.

А подробности узнавать много ума не надо – они же сами, пока в очереди сидят, все выболтают. И где что лежит, и в какое время дома никого не бывает. Язык без костей, а похвастаться надо... В коридорах они друг перед другом хвастаются, а в кабинетах начинают приbedняться, чтобы доктор ненароком не начал рассчитывать на вознаграждение. Да видела я это вознаграждение, знаешь где? У нас так участковый терапевт попался и невропатолог. И суммы были смешные, до тысячи не дотягивали. А судимость – настоящая. Нет, такие дела не по мне. Мне надо свою репутацию беречь от пятен, а биографию – от судимостей. Не век же в этой дыре сидеть! Вот высижу первую категорию⁴ и тогда... А то и в аспирантуру пойду! Какие мои годы?

Криминальная тема закрылась сама собой. «Что ж, каждая отвергнутая версия все равно приближает нас к цели, – с мудростью опытного сыскаря подумал Савелий. – Круг сужается, и рано или поздно...»

Признаваться самому себе в том, что никакой это не круг, а дырка от бублика, которая вроде есть и в то же время ее нет, не хотелось.

– Сам-то как поживаешь? – спросила Светка, когда официант принес еще пиццы и пива. – Я что-то разболталась на радостях, тебе и слова вставить не дала.

Савелий вкратце рассказал о том, где он работает и чем занимается.

⁴ Для получения первой квалификационной категории требуется не менее 7 лет стажа работы по аттестуемой специальности.

– Здорово! – Данное слово было у Светки одним из любимых. – Кризисные ситуации – это мне та-а-ак знакомо... Можно сказать, мое обычное состояние, я просто не вылезая из кризисов! Теперь буду знать, к кому можно обращаться...

– Настоящие кризисные ситуации не могут быть обычным состоянием, – покачал головой Савелий. – Будет срыв, суицид, что-то да будет. Невозможно долго жить в кризисном состоянии, это выше сил человеческих...

– Ну, я не так выразилась. – Светка смешно наморщила свой точеный носик; когда-то Савелия очень умиляла эта гримаса. – Пусть будет не кризис, а депрессия...

– Слово «депрессия» в быту и в психиатрии означает совершенно разные понятия...

– Какой же ты зануда, Савка! – Света всплеснула руками, не выпуская вилки, но кусок пиццы на сей раз каким-то чудом все-таки удержался на своем месте и никуда не улетел. – Цепляешься к каждому слову! Не хочешь, чтобы я к тебе обращалась, так и скажи!

– Ну, сам я вряд ли смогу с тобой работать, если потребуется, – признался Савелий. – Лучше, когда врач и пациент – совершенно чужие друг другу люди, тогда...

– Врачу не стыдно брать с пациента деньги! – перебила Светка.

– Тогда уровень откровенности совсем другой. Но я всегда порекомендую тебе кого-нибудь из коллег.

– А если мне захочется просто поплакаться другу в жилетку?

– Тогда ко мне, – улыбнулся Савелий. – Я же тебе друг.

– Хочется надеяться...

Итоги встречи, закончившейся прощальным поцелуем в щеку на перроне станции «Пушкинская», оказались неоднозначными. Минусов было два – ощущение впустую потраченного вечера и крах очередной версии.

Плюс один – Савелий порадовался тому, что когда-то жизнь развела их со Светкой в разные стороны, причем быстро и безболезненно. В юности на многое смотришь иначе, на многое закрываешь глаза, а по мере взросления начинаешь подмечать то, чего раньше не видел.

Короче говоря, слишком разные они со Светкой люди. Даже для того, чтобы просто дружить, хотя в возможность просто дружбы между мужчиной и женщиной (разумеется, при условии, что оба они гетеросексуальны) поверить трудно. В любом случае, интерес определенного рода будет присутствовать с обеих сторон, никуда от него не деться. Это только Виталик может втирать жене Ларисе про свои «кристально чистые отношения» с кем-то из женщин. Ага, знаем мы их. Лариса их тоже знает, не первый день с Виталькой живет, успела разобраться в том, какой он кобель. Самому Савелию, впрочем, больше нравилось не «кобель», а «саврас». Так более толерантно и благозвучно называли любителей клубнички в девятнадцатом веке.

Выйдя из метро, Савелий осознал, что совсем не хочет возвращаться домой. Тянуло предпринять что-нибудь еще, чтобы не заканчивать вечер, да еще пятничный, на столь тоскливой ноте.

Набиваться к кому-то в веселую компанию было уже поздно. Гулять не хотелось – темно и холодно (минус шесть и ветер). Закатиться одному в ночной клуб? А что там одному делать? Разве что с девушками знакомиться, но Савелий для этого был излишне осторожен (мало ли на кого нарвешься) и чересчур стеснителен. Так что вариант приятного времяпрепровождения остался всего один – закатиться куда-нибудь в кино на полуночный сеанс.

Верный смартфон (уже и представить невозможно, как можно было жить без постоянного доступа к Интернету) подсказал, что в торгово-развлекательном центре у Курского вокзала в половине первого ночи можно посмотреть «жизнеутверждающую комедию о головокружительных приключениях трех друзей, решивших свести счеты с жизнью».

Чего еще может желать психиатр-суицидолог для пятничного, точнее, уже субботнего похода в кино? Савелий повернул обратно и через двадцать минут уже сидел в почти пустом зале на очень хорошем месте в середине восьмого ряда. Жаль только, что кресла оказались

чересчур удобными, располагающими ко сну и неге. Примерно на десятой минуте Савелий задремал и благополучно проспал до самого конца, до финальных титров. Проснулся в прекрасном расположении духа и поехал домой.

5

– Это – Останкино! О-стан-ки-но! Ну как не может быть маньяка в районе с таким названием!

– Обычное название, – пожал плечами Савелий. – Старинное, историческое. Бирюлево или Гольяново...

Редкий случай: посвятив утро субботы мелким домашним делам (закрепил расшатавшуюся розетку, смазал начавшие скрипеть петли туалетной двери, наклеил новые войлочные кругляши на ножки кресла вместо истершихся, заменил выключатель у бра над кроватью), Савелий позвонил брату и, узнав, что у того законный долгожданный выходной, пригласил его в гости. Обычно инициативу проявлял более общительный Виталик.

Встреча проходила в скромной, едва ли не спартанской обстановке – пили чай. Без сахара и пустой, потому что Виталику вдруг вздумалось начать устраивать разгрузочные дни, то есть одни сутки в неделю воздерживаться от еды и употребления спиртного. Эта идея была подсказана брату его собственными штанами, как форменными, так и штатскими. Словно сговорившись, все они начали с трудом застегиваться на поясе, причем с великим трудом.

Савелий попытался объяснить, что подобная разгрузка не даст такой пользы, как нормализация всего питания с отказом от чересчур калорийных продуктов и некоторым уменьшением рациона вообще, но Виталик не стал его слушать. «Мне проще сутки ничего не есть, чем постоянно держать себя в руках», – честно признался он. Савелий не стал настаивать на своем – пусть голодает сутки, если ему так хочется. Более того, чтобы не срывать брату его начинание, Савелий и сам солидарно пил чай без всего, отказавшись от пряников и любимого овсяного печенья с изюмом.

– Бирюлево – от слова «бирюльки»! – Виталик повысил голос почти до крика. – Тамошние жители, наверное, в бирюльки любили играть, всякие мелкие фигурьки крючочками растаскивать. Или делали их на продажу всей деревней. А в Гольяново жила беднота, голь перекатная! Потому и Гольяново!

– А в Бескудниково? – поддразнил Савелий.

– Там жили одни паскудники! – рявкнул брат. – А потом первую букву изменили уже потом, для благозвучия! Но ты не уводи разговор в сторону, ты мне скажи – от какого слова пошло Останкино?

– Останки? – неуверенно предположил Савелий. – Надо же, никогда не задумывался...

– Вот-вот! – Виталик хлопнул ладонями по коленям. – Останки! Люди просто привыкли и не замечают, не вдумываются. И дернул же меня черт устроиться именно сюда! Были же варианты в Марьино и в Сабурово. Так нет же, выбрал Останкино. Как же! Крутой район, телевидение, Останкинская башня... А что мне до нее? У меня своя жизнь, у башни своя! Кстати, с ней не все так ладно, как кажется. Она излучает! И неизвестно еще, как это сказывается на мозгах! Я вот заметил, что в последнее время у меня на работе сразу голова трещать начинает. Раньше такого не было...

– Давление мерить пробовал?

– Да при чем тут оно?! – возмутился Виталик. – Я ему про излучение, а он мне про давление! Вы, доктора, вечно не по делу советы даете. Ты же психиатр!

Да, – подтвердил Савелий.

– Вот и посоветовал бы, как защитить мозги от излучения!

Савелий уперся указательным пальцем в лоб, изображая задумчивость. – Самое результативное – шапочка из трех слоев фольги, между которыми проложен войлок. И чтобы на верхушке был кусочек янтаря. Натурального.

– Правда? – вытаращился Виталик. – Или прикалываешься...

– Серьезней не бывает! – заверил Савелий. – Это сочетание предохраняет от всех видов излучения. Вокруг шапочки создается замкнутый контур...

Сдерживать смех дальше было невозможно. Савелий начал с хихиканья, а потом заржал в голос, наблюдая за тем, как меняется выражение лица брата. С удивленного на обиженное, с обиженного на суровое, с сурового на смеющееся... Трудно удержаться от смеха, если рядом с тобой кто-то заразительно смеется, пусть даже и над тобой.

– Я подозревал, что все это – лажа, но меня смутил янтарь, – признался, отсмеявшись, Виталик. – Шапочка... В такой на работу только приди – увольнение по ограниченному состоянию здоровья обеспечено. А район у нас все равно паршивый, валить оттуда надо.

– Вали, – разрешил Савелий.

– Не так-то все просто, брателло, – вздохнул Виталик. – И потом, так уходить тоже надо с умом. Горизонтальные перемещения – пустая трата времени, надо по вертикали, причем только вверх. Все выше, и выше, и выше... Я тут несколько дней подряд пробовал спать пораньше ложиться. Приду, быстро поем и сразу в постель. Лариска даже испугалась – не заболел ли.

– А зачем?

– Думал – вдруг осенит меня во сне, ну как Менделеева с его таблицей. Не получилось.

– С разбегу головой об стену не пробовал?

– Издевайся-издевайся, только не забывай, что хорошо смеется тот, кто смеется последним. Рано или поздно мы поймем душителя, но лучше бы, конечно, раньше. Вот если бы он в Ботаническом саду орудовал...

Виталик махнул рукой, что, мол, мечтать?

– А чем лучше? – спросил Савелий.

– Тогда его можно было бы поймать на живца. Элементарно! Берется несколько сотрудников... Ну, что там объяснять. А тут как его на живца ловить?

– Можно наблюдать за подъездами, в которые должен прийти участковый врач...

– Была такая идея, но она неосуществима на практике. Вызовы идут один за другим, не успеешь за ними.

– А Он успевает.

– Да. – Виталик вздохнул. – Понять бы еще его логику. Почему именно здесь, а не там? Как он выбирает жертву? По каким признакам? Он же ее даже не видит до того!

– Это вы, то есть мы, пока так думаем. А вдруг видит? А если он знаком со всеми? У Честертона был такой рассказ, кажется, «Невидимка», о том, что никто не обращает внимания на почтальонов...

– Савелий, не умничай! – осадил брат. – Мы уже не знаем, по сколько пар обуви истоптали, проверяя всех, начиная с дворников и заканчивая сотрудниками провайдеров, которые обслуживают линии. Я тебе даже больше скажу – не только участковых врачей перетрясли-просеяли через мелкое сито, но и участковых уполномоченных. Вдруг среди них какой-нибудь оборотень затесался? Я уверен, что меня тоже проверяли. У меня, кстати, в четырех случаях – железное алиби, а в одном – условное.

– Это как?

– Ну... – Виталик сделал плутоватую мину и подмигнул Савелию. – Скажем так – я работал с важным свидетелем по одному делу.

Подробностями Савелий интересоваться не стал. И так ясно, какого пола был свидетель, то есть, конечно, свидетельница, и как именно «работал» с ней любвеобильный Виталик.

– Короче говоря, все, кто имеет хоть какое-то отношение к Останкину, находятся под колпаком, – продолжил откровенничать брат. – Привязка убийцы к району не вызывает сомнений.

– А если зайти с другого конца... – подумал вслух Савелий. – Если вообще забыть про эти поликлиники, словно их никогда и не было, и попробовать представить... Нет, не подходит.

– Что? – оживился Виталик. – Что?

Он выбрал из яблок то, которое покрупнее и покраснее, взял в руку, внимательно рассмотрел со всех сторон и, удовлетворившись осмотром, хрустко надкусил. У Виталика с малолетства был один бзик – как-то раз ему в яблоке попался червяк, и с тех пор он придирчиво осматривал все фрукты, которые собирался съесть.

– Да так, пустое, – отмахнулся Савелий. – Подумал, а вдруг все убитые были членами какого-то тайного клуба? Жесткий садизм и все такое. Клуб тайный, глубоко законспирированный, поэтому вы о нем ничего не знаете...

– Ню-ню! – подбадривающе промычал Виталик, которому мешал членораздельно разговаривать набитый рот.

– Начинают свои игры, а потом заигрываются, случайно или нарочно. Но всяким развлечениям люди обычно предаются вечерами, ночами и по выходным. А в будний день, да еще вызвав врача...

– ...приспичило позабавиться, – подхватил Виталик, забыв о недоеденном яблоке, – приперло так сильно, что не пошли на работу, вызвали врача, чтобы взять больничный, и начали свои любовные игры... Нет, так не бывает, чтобы случайный убийца несколько раз подряд идеально заметал следы. Разве что только дамы думали, что все это игра, а кавалер знал, что все будет по-настоящему.

Слушай, брателло, а каков вообще процент мазохистов в обществе? Пять женщин на район с шестидесятитысячным населением – это как? Укладывается?

– Примерно одна сотая процента, – навскидку прикинул Савелий. – Конечно, укладывается. Смотри-ка, а если допустить, что наш душитель намеренно вступил в этот клуб, чтобы удовлетворять свои, скажем так, потребности, то получается...

– Проверим, – пообещал Виталик. – На безрыбье и рак рыба. Как говорит мой начальник, чтоб он треснул: «Когда нет идей, стодится любая фантазия». Но вообще-то в этом направлении тоже работают. Половые психопаты – наши главные подозреваемые. Но вот клуб... В Интернете небось концы можно будет найти...

– Да, – улыбнулся Савелий. – Там все есть.

– Взять, что ли, попробовать набрать в поиске: «Как зовут Останкинского душителя и где он живет?» – Виталик вздохнул. – Эх, если бы все было так просто... Но мы его все равно поймаем, еще до майских праздников. Есть у меня такое предчувствие, они меня никогда не обманывают.

– Существуют ниточки? – поинтересовался Савелий.

– Пока нет, но будут. Если бы ты только знал, сколько очень серьезных людей работает по этому делу...

– Давай ты не будешь перечислять всех поименно, – попросил Савелий. – Я все равно не запомню. Ты лучше не забывай держать меня в курсе, раз уж втянул в эту историю.

– Не забуду, – пообещал Виталик, одним большим глотком допив давно остывший чай. – А ты в свою очередь думай, напрягай мозги. Может, что и придумаешь. Одна неудачная версия не должна тебя расхолаживать.

– Две, – улыбнулся Савелий. – Я еще думал, что каким-то боком к этой истории может быть причастна женская консультация...

– Гинеколог-насильник?... – Виталик в задумчивости поцокал языком, словно пробуя идею на вкус. – Его так достали женщины... Только в женской консультации восемьдесят шестой поликлиники нет ни одного мужика-врача. Это я точно помню, отрабатывал восемьдесят шестую на пару с Сашкой Старых. Только не начинай убеждать меня в том, что наш душитель может быть мужем или братом кого-то из сотрудиц...

– Не буду, – поспешно сказал Савелий и предложил: – Давай лучше мы подумаем о том, что делает человек, когда просыпается утром и понимает, что заболел. Причем так серьезно, что надо вызывать врача на дом. Реконструируем, так сказать, события до мельчайших деталей, хорошо?

– Сколько раз я над этим уже думал, – махнул рукой Виталик. – Даже Лариску спрашивал, женщина же, может, что подскажет. Дохлый номер...

– А все-таки! – Когда было надо, Савелий становился весьма настойчивым. – Давай попробуем. Попытка не пытка. Все равно же сидим, разговариваем.

– Ну, давай, – согласился Виталик и начал: – Проснулся человек, голова дурная, тело ломит, по горлу как напильником прошлись... Встал, сходил в туалет, потом в ванную, посмотрел на себя в зеркало, взял градусник, померил температуру и начал дозваниваться до поликлиники...

– Может, еще чаю горячего выпил, – вставил Савелий.

До мелочей так до мелочей.

– Пускай, – согласился Виталик. – Дозвонился через час, вызвал врача, потом позвонил на работу, сообщить, что заболел...

– Положил на тумбочку полис и паспорт...

– И завалился смотреть телевизор или читать книжку. Чем еще заниматься больному в ожидании врача?

– Мог еще кому-то из родственников сообщить.

– Возможно. Мог соседей попросить хлеба ему купить, молока или аспирина. Что еще?

– Да вроде ничего, – пожал плечами Савелий. – Ну, чай по новой заварить, мокрое белье сменить, если пропотел... Но все эти действия никак не могут привлечь к больному, то есть к больной внимание убийцы.

– А однако же мы имеем пять трупов, – напомнил Виталик. – Такой неприятный парадокс.

– Знаешь, это, конечно, не стопроцентно точно, но я на основании всего, что ты мне рассказывал, набросал психологический портрет Останкинского Душителя.

– Это интересно! – В голосе Виталика Савелию послышалась ирония. – Нам уже давали два портрета, только там в каждом предложении «вероятно» да «ориентировочно».

– У меня в общем-то все так же, – признал Савелий. – Точный портрет можно составить лишь после знакомства. А какие портреты давали вам? И почему два? Прочсть их можно?

– Два, потому что один старый, а другой новый, созданный после последнего убийства. Совпадают в обоих портретах только пол и возраст – мужчина, ориентировочно от двадцати до сорока пяти лет. У тебя тоже так?

– Мне кажется, что ему между тридцатью и сорока.

– Почему? – прищурился Виталик. – Ты не думай, я не придираюсь, просто мне всегда было интересно, как составляются подобные портреты. Говоришь, что между тридцатью и сорока, – обоснуй.

– Пожалуйста. – Савелию надоело сидеть с вытянутыми ногами, и он закинул ногу на ногу. – Ему не меньше тридцати, потому что за такой вереницей идеальных, можно сказать, преступлений чувствуется не только определенный интеллект, но и определенный жизненный опыт. Согласен? Не мальчик он, наш общий друг.

– Да, – согласился Виталик.

– Почему он не старше сорока? – продолжил Савелий. – Потому что он довольно энергичен, находится в хорошей, если не прекрасной, физической форме. Впрочем, планку можно поднять до сорока пяти.

– Скажем так, мужчина средних лет.

– Пусть так. Он обладает располагающей или, правильнее будет сказать, не вызывающей опасений внешностью, иначе бы его и на порог никто бы не пустил.

– Ну, это само собой.

– Он не слишком удачлив по жизни, потому что у него иные приоритеты.

– А что, нельзя делать карьеру и убивать людей? – удивился Виталик.

– Можно, но, скорее всего, он не карьерист. Может, и начальничек, но маленький, в низшем звене. У него свой азарт, и на карьеру ему, по большому счету, наплевать. Тем более что подсознательно он должен стараться не высовываться, не быть на виду. Это сказывается на всем. Он не экстравагантен, не конфликтен, не любит участвовать в конкурсах и соревнованиях. Скорее всего, он единственный ребенок в семье и вырос под диктатом властной матери...

– Савелий, а тебе не кажется, что ты рисуешь свой собственный портрет?! – рассмеялся брат.

– Ну, так арестовывай меня и начинай выбивать признание, – огрызнулся Савелий, которому дурацкая шутка пришла не по вкусу.

– Извини! – Виталик вмиг посерьезнел. – Это я так, разрядить обстановку. Деспотичная мать внушила ему ненависть к женщинам, так получается?

– Да, – кивнул Савелий. – Но можно было обойтись и без мамы. Возможно, его в детстве кто-то постоянно унижал, не исключено, что и насиловал...

– Ты не обижайся, но все это не имеет никакой практической ценности. Что там у каждого было в детстве, на лбу не написано. Ты давай конкретику...

– Живет он, скорее всего, в Останкино, там у него зона комфорта. Или раньше долго жил и привык к району. У него вряд ли есть домашние животные...

– А семья и дети?

– Пятьдесят на пятьдесят. Возможно, есть.

– И это все?

– Да, – вздохнул Савелий.

– Я тебе честно скажу, – Виталик хлопнул рукой по подлокотнику кресла, – лажа все это! Никакой оперативной ценности эти портреты не имеют! Очень уж все расплывчато. Хоть бы профессию его узнать...

– Для этого надо найти что-то из улик на месте преступления, – посоветовал Савелий. – Какой-нибудь инструмент, обрывок инструкции...

– ...Визитку или трудовую книжку. – Виталик с наслаждением потянулся. – Эх, брат, вся беда в том, что Душитель ничего после себя не оставляет. Кроме трупов... Ну, прямо дух бесплотный. Хоть бы сплюнул разок на пол, что ли.

– Воспитанные люди в гостях не плюются.

– Да, – кивнул Виталик. – Добавь в свой портрет, что Душитель хорошо воспитан. Это существенно облегчит нам поиски... Кстати, один майор с Петровки предположил, что Душитель может быть коблом. Как тебе такая версия?

– Кем?

– Женщиной, активной лесбиянкой.

– Вообще-то на сленге активная лесбиянка называется «буч»...

– Это на вашем сленге, а на нашем – «кобел»! Только я тебя не про названия спросил, а про версию.

– Лесбиянка? – призадумался Савелий. – Сильная, может, даже мужеподобная... Надевает искусственный член...

– Или просто держит его в руке.

– Насиловывает, потом убивает... Ненавидит женщин? Хочет утвердить свое мужское начало? Знаешь, Виталь, Душитель в любом случае монстр, но если он женщина, то это вообще полный караул... Но с другой стороны, это должна быть крайне асоциальная личность. Да, именно так,

и никак иначе. В рамках данной версии ищите крупную, физически сильную женщину, если не мужеподобную, то во всяком случае мужеобразную с донельзя сволочным характером...

– В рамках этой версии ее автору посоветовали поменьше пить и побольше закусывать, – усмехнулся Виталик. – Но следы на шее... Хотя женщины разные бывают... Со мной в одном классе училась Лизка Цегичко по кличке Дюймовочка...

В этом весь Виталик. Прозвищ для него не существует, только клички и погоняла.

– Так у нее руки были, как мои ноги, а если кулаком кому-то даст, то нокаут гарантирован. Встретил ее недавно на Курском, так она, кажется, еще больше стала. Угадай, кем работает?

– Тренером по кун-фу, – пошутил Савелий.

– Инспектор отдела по делам несовершеннолетних в Реутове! Можно сказать, коллега.

– Она, скорее, твоей Ларисе коллега.

– Почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.